Елена Головнева

Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности

В данной статье рассматривается система дискурсов, в рамках которой происходит формирование городской идентичности. Под дискурсом подразумевается выраженное в языке содержание определенного типа сознания, регулируемое преобладающим в данной социокультурной традиции типом рациональности. Выделенные дискурсы — мифологический, религиозный, художественный, политический и философский — анализируются, с одной стороны, в качестве различных логик развития городской идентичности, и как формы ее репрезентации — с другой. Автор демонстрирует, что различные способы рассуждения о специфике города сосуществуют на разных уровнях. На уровне массового сознания они рождаются стихийно, на концептуальном уровне сознательно конструируются и систематизируются усилиями политической и культурной элиты. Автор полагает, что именно гибридное сосуществование различных дискурсов о городе обеспечивает устойчивость феномена городской идентичности в современной культуре.

Ключевые слова: городская идентичность, дискурсы, структура идентичности.

Концепция городской идентичности предполагает, что существуют общие характерологические особенности, типичные для горожан. На уровне обыденного сознания идентичность выражается в воспроизводстве авто- и гетеростереотипов. На уровне идеологии — в виде систематизированных и подкрепленных эмпирической базой суждений. На уровне философско-теоретического и художественного сознания эти суждения разворачиваются в систему объяснений и обоснований, через которые устанавливается связь с культурой и историей. Так или иначе, идентичность бытует в различных дискурсивных формах.

Головнева Елена Валентиновна — доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат философских наук. Научные интересы: региональная, городская идентичность, локальная культура. E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Цель данной статьи — выделить и описать дискурсы городской идентичности. Под дискурсом мы подразумеваем выраженное в языке содержание определенного типа сознания, регулируемое преобладающим в данной социокультурной традиции типом рациональности. Дискурс ориентирован на раскрытие определенного горизонта смыслов [Лиотар, 1998, с. 17]. Мы исходим из того, что город следует понимать «и как сложный социальный организм, и как поле политических битв и манифестаций, и как средоточие культурных и цивилизационных достижений, и как пространство особого языка и особой речи» [Замятин, 2006, с. 42]. Такая постановка вопроса требует систематизации имеющихся дискурсов, или форм суждений, о городской идентичности.

Наша базовая предпосылка: мифологический, религиозный, художественный, политический и философский типы сознания представляют собой до некоторой степени самостоятельные способы отношения к городу, предполагающие свои дискурсы. Рассмотрим, каким образом указанные формы сознания, транслированные в языке, образуют дискурсы городской идентичности, каждый из которых имеет свои источники конструирования и пополнения, свои постулаты, специфические логические приемы и способы развертывания.

Содержательную сторону мифологического дискурса составляют мифы и мифологемы, в которых воплощаются представления жителей о происхождении города, его историческом прошлом, сакральных местах, идеале будущего. Мифологическое сознание диктует восприятие города как особого текста. Противопоставления мы—они, центр—периферия, присутствующие в соответствующем дискурсе, эквивалентны мифологическим оппозициям. «Всякая территория, занятая с целью проживания на ней и использования в качестве „жизненного пространства“, предварительно превращается из „хаоса“ в „космос“, посредством ритуала ей придается некая „форма“, благодаря которой она становится реальной» [Элиаде, 1987, с. 38]. Восприятие топонимов также мифологично: они работают и как имя-символ конкретного города, и как средство его преобразования (что выражается, например, в акте переименований улиц города, сноса памятников как способе изменения качества переименованного пространства, создания параллельных пространств через неофициальные названия и т. п.).

В рамках мифологического дискурса образ своего города сопровождается сугубо положительной оценкой, возвышением его культуры и истории, в то время как другие оцениваются отрицательно. Так, «благородные» коренные горожане могут противопоставляться неполноценным «понаехавшим». Рассуждение по мифологическому типу подразумевает, что уже простое указание

на городскую принадлежность содержит определенное отношение, поскольку через происхождение субъекта обнаруживаются типичные черты, принадлежности к определенной общности. Например, когда произносится фраза «я москвич», тем самым уже имплицитно подразумевается, что «московскость» существует, и она должна обнаруживаться в наблюдаемых формах деятельности. На уровне речи это может выражаться в наделении прозвищами жителей других городов (ярославцы — чистоплюи, Спаса на воротах продали, ростовчане — вислоухие, москвичи — капустники и т. п.). Типична ситуация, когда на основе одного явления, служащего символом города, возникает целостное представление о всей городской территории (тульские самовары и пряники, арзамасские гуси, муромские калачи, вологодские кружева и т. п.).

В мифологическом дискурсе «все сообщения городского пространства соразмерны человеческому/органическому миру и могут быть непосредственно восприняты органами чувств; даже „очень высокие“ средневековые соборы и инженерные башни рубежа XIX–XX веков оставляли человеку ощущение устойчивой физически измеряемой реальности. Крыши или смотровые площадки небольших городов, открывавшие человеку образ города с высоты птичьего полета, оставляли его в мире естественной природы» [Николаева, 2010, с. 172].

Если для архаического города характерно подчеркивать свою выделенность, особость, то город современный функционирует как часть глобального медиапространства. Ему свойственна коллажность: в таком городе появляются места, насыщенные мифологическими сюжетами и утопическими мотивами, но они бытуют на фоне демифологизированного в целом пространства [Там же, с. 174]. Интересно взглянуть в этом ракурсе на элитные жилые комплексы, воспроизводящие локальную мифологию (названия типа «Эльдорадо» и т. п., единое внутриквартальное пространство, система допуска свой — чужой, «уникальный вид на исторический центр города» и т. п.)

По всей видимости, в пространстве современного города можно выделить два уровня мифотворчества: мифотворчество сверху и мифотворчество снизу. Мифотворчество сверху носит искусственный, сконструированный характер и является составной частью идеологии. Мифотворчество снизу — это спонтанная, непредзаданная мифологизация образов, отношений, событий, которая продолжает бытовать и в массовой культуре, и в жанрах устного народного творчества. К этому пласту относят, например, былички — устные истории о необычных событиях, которые подаются как абсолютно достоверные. Такая народная мифология, осваивающая все новые образы, — самая обширная

часть современной городской мифологии. Она функционирует так же, как и древний миф, и характер ее рассуждений завязан на аксиологическом отражении реальности. Пространство и время в таком дискурсе отличается нелинейностью и ценностно-смысловой нагруженностью. Оно не только структурируется (оболочки, сферы, сакральные центры), но и произвольно сжимается и растягивается. В мифологии сакрального места присутствует и своеобразная персонификация (это выражается, например, в описании городских мест как «живых» или «злых»), и мифологизация персоналий, связанных с городом [Мартишина, 1996, с. 106, 118].

Обратимся к религиозному дискурсу городской идентичности. Религия, как и миф, содержит потенциал, консолидирующий социальную общность, и одновременно — момент демаркации с иноверующими [Smyth, 1999, p. 85-87]. Религиозный фактор зачастую является принципиальным для самоопределения и подчеркивания своей отличительности в случае городских сообществ. Пространство города может включать мусульманские, иудейские, католические и т. п. кварталы, обладающие собственной инфраструктурой и представляющие особые жизненные миры. Но даже если горожане не связывают себя напрямую с конфессиональной принадлежностью, религиозная логика может сохранять значимость для городской идентичности.

Религиозную логику можно наблюдать, когда происходит сакрализация объектов и канонизация текстов, относящихся к истории города. Феномен сакрализации может выражаться как в идеализации авторитетов (основателей города, выдающихся горожан и т. п.), почитании объектов городской культуры (памятников, знаменательных мест, элементов ландшафта и т. п.), так и в наделении города мистическими автохтонными чертами (например, город характеризуется как древнейший, вечный, исключительный). Городские элиты могут объявлять историю города священной, полной драматических и героических событий, связанных с основанием поселения, пережитыми катастрофами и т. п. Историческая реконструкция подобных событий становится значимой частью городских праздников и ритуалов. По замечанию К. Г. Юнга, «маршевая музыка, знамена, полотнища с лозунгами и колоссальные митинги по существу ничем не отличаются от молебствий, стрельбы и огней для изгнания бесов» [Юнг, 1992, с. 15]. Нередко события (дни революции, Великой Отечественной войны) характеризуются как «испытания», «жертвенный подвиг», т. е. осмысливаются в религиозной стилистике и терминологии. По религиозному типу строятся и суждения о мессианской роли некоторых городов (в первую очередь столиц), которые выполняют

особую миссию в социокультурном пространстве. Наконец, для дискурса идентичности, разворачивающегося по религиозному типу, характерен консерватизм мышления и приверженность обычаям. Очевидны ориентация на прошлое (музеефикация городских объектов), следование социально передаваемым нормам (апелляция к опыту поколений, коренных жителей), сопротивление реформам, способным поменять городские устои.

Художественный дискурс в содержательном плане проявляется в ситуации, когда горожане относят себя к определенной традиции профессионального или народного творчества. Рассуждая о литературных традициях определенной местности, Е. К. Созина указывает, что «интенции художественного сознания, направленные на „место“ и сфокусированные, сгущенные текстуальностью, позволяют литературе занять точку над местом». Они позволяют встать на позицию «мета» и увидеть это место целостно, как бы сверху, осуществить рефлексию, оставаясь в то же время в его ауре, в потоке его дыхания (ибо художественный образ-символ места отличен от научного своей чувственной плотью, которая дается лишь погружением в предмет и его симпатическим внутри-разглядыванием). Именно литература, движимая энергией языка, обращает пространство некоего места в текст» [Созина, 2008, с. 54].

С точки зрения Дорин Мэсси, идентичность места выражается в рассказываемых историях, в том, как они преподносятся, и какая из этих историй превалирует [Massey, 1994]. Представители городского сообщества рассуждают художественно тогда, когда выражают не только этическую оценку истории и ее действующих лиц (славные/позорные, справедливые/несправедливые и т. п.), но и эстетическую (трагические, драматические, комические); когда воспринимают события истории города не в терминах академической науки, а посредством метафор, наглядных (часто литературных) образов; когда мыслят историческое прошлое не в форме рационально-оценочного знания, а в эмоционально-чувственном контексте (через вживание, вчувствование в события и их субъективную, личностную оценку).

В художественном дискурсе пространство часто выступает как жизненное пространство (lived space), которое «скорее, чувствуют, чем мыслят» [Raagmaa, 2002, p. 9]. Эмоциональная привязанность к определенным местам в городе позволяет, в частности, выделить вернакулярные районы, т. е. освоенные места и связанные с ними повседневные практики. Л. Манцо отмечает, что в исследованиях place attachment привязанность к месту архетипически выражается метафорой дома, несущей чувство защищенности и безопасности. Однако эмоциональные реакции на место проживания амбивалентны и могут включать в себя и болезненные,

травматичные воспоминания (феномен «топофобии») [Manzo, 2003, p. 49–50]. Таким образом, городская идентичность в своем ситуативном дрейфе может принимать как позитивные, так и негативные оттенки.

Философский дискурс в структуре городской идентичности представлен как теоретическо-концептуальный уровень осмысления города. Он позволяет перевести с неявного в явный план интенции городского субъекта, в том числе «дух города»; это вытекает из понимания философии как самосознания культуры. Философский дискурс показывает, как связаны современный город и модерность, капитализм и глобализация, каковы соединения между масштабными социальными процессами и городскими трансформациями [Трубина, 2011, с. 15]. Соответствующий дискурс может быть не сформирован в конкретной среде, если, к примеру, отсутствует сообщество, способное определять, как выглядит город, что с ним происходит и как он живет [Глазычев, 2010, с. 111].

В философском дискурсе городская идентичность может рассматриваться как частный случай коллективной идентичности, который объединяет как единично-уникальные, так и общностные проявления. Общее, понимаемое как целостная структура человеческого бытия (природа — человек — культура — дух), особым образом преломляется в городской среде, образует множество индивидуальных пространств. Категория «душа города» в этом плане оказывается ключевой, поскольку выражает то, как жители увязывают природное местоположение города, исторически сложившуюся совокупность социально-культурных объектов. Дух города находит воплощение как в символике (особенностях архитектуры, художественного творчества и т. п.), так и в менталитете (установках, ориентациях, эталонах) горожан, стиле и характере их отношений.

В рамках политического дискурса образы городской культуры создаются целенаправленно, в качестве инструмента преобразования социальной реальности. Разработка имиджа города близка разыгрыванию спектакля, понимаемому как демонстрация политической игры. В трактовке Г. Дебора, спектакль — это «непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог» [Дебор, 2000, с. 28].

Городские элиты заинтересованы в создании различных репрезентаций города. В качестве таковых в политическом дискурсе могут использоваться городские легенды, поэтические произведения или даже отдельные цитаты (город камнерезов, опорный край державы, душа России). Развитие виртуальной, в том числе интернет-репрезентации, также становится важным способом конструирования идентичности. «Когда мы пишем

„Калькутта", „Рио" или, к примеру, „Манчестер", даже те из нас, кто никогда не был в этих местах, имеют о них некоторое представление, ряд смыслов, сформированных посредством фильмов, литературы, рекламы и других средств передачи информации» [Cresswell, 2004, p. 1]. Виртуально и реально мы можем в любой момент оказаться в разных реальностях городского пространства: от пеших и велосипедных прогулок до автомобильных гонок, от поездок под городом в метро до полетов над городом. Современный город может включать в себя в качестве самостоятельных форм образы города-сада, города-завода, города-музея, города-гипермаркета и т. п. Городское пространство является своеобразным палимпсестом, «суммой разнородных (кон) текстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту» [Митин, 2006, с. 66].

Резюмируя, мы можем утверждать, что дискурсы идентичности оказываются результатом концептуальной организации и интеграции представлений и суждений о городе [Paasi, Zimmerbauer, 2011, p. 165]. Различные способы рассуждения о специфике города сосуществуют на разных уровнях. Главным здесь оказывается не формулировка единственного верного представления или суждения, а создание открытого для поля конкуренции и содействия образов.

Таким образом, учитывая многообразие способов репрезентации городской идентичности, этот феномен логично рассматривать как гибрид, порожденный различными дискурсами. Часто являясь неартикулированным, размытым образованием, городская идентичность, тем не менее, обладает значительной устойчивостью, несмотря на культурный номадизм и утраты определенности самого понятия «город» в современной культуре.

Библиография

Дебор Г. (2000) *Общество спектакля*, М.: Логос.

Замятин Д. Н. (2006) *Культура и пространство: Моделирование географических образов*, М.: Знак.

Глазычев В. Л. (2009) *Политическая экономия города*, М.: Дело АНХ: 192.

Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*, СПб.: Алетейя, 1998.

Мартишина Н. И. (1996) *Когнитивные основания паранауки*, Омск: Изд-во ОмГТУ.

Митин И. (2006) *Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей мест.* [Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах] Вып. 3, М.: Институт наследия.

Николаева Е. В. (2010) *Город-миф, город-коллаж, город-гипертекст* [Культура как предмет междисциплинарных исследований: Матер. Второй Междунар.

научной конф., Томск 11–13 мая 2010 г.] Е. В. Буденкова, Т. А. Зайцева (ред.), Томск: Изд-во НТЛ: 170–175.

Созина Е. К. (2008) *Уральский текст в литературе региона 1800–1820 гг.* [Литература Урала: история и современность. Вып. 4. Институт истории и археологии УрО РАН], Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та: 53–68.

Трубина Е. Г. (2011) *Город в теории*, М.: НЛО.

Элиаде М. (1987) *Космос и история*, М.: Прогресс.

Юнг К. Г. (1992) *Современность и будущее*, Минск.

References

Cresswell T. (2004) *Place: A Short Introduction*. Publisher: John Wiley & Sons, Incorporated.

Debor G. (2000) *Obshchestvo spektaklya* [Spectacle`s Society], Moskva: Logos.

Eliade M. (1987) *Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty* [Cosmos and History. Selected papers], Moskva: Progress.

Glazychev V. L. (2009) *Politicheskaya ekonomiya goroda* [The political economy of city], Moskva: Delo ANKh.

Liotar Zh.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern statement]. SPb.: Aleteyya.

Manzo L. (2003) Beyond House and Haven: toward a Revisioning of Emotional Relationships with Places. *Journal of Environmental Psychology*: (23): 47–61.

Martishina N. I. (1996) *Kognitivnye osnovaniya paranauki* [Cognitive foundation of parascience], Omsk: OmGTU.

Massey D. (1994) *A global Sense of Place. Space, Place and Gender.* Cambridge: Polity Press: 146–156.

Mitin I. (2006) *Mifogeografiya kak podkhod k izucheniyu mnozhestvennykh real'nostey mesta* [Myth and geography as approach to study of multiple realities of the place] Zamyatin D. N., Alekseev A. I. (red.) Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh. [Human Geography: collected papers] Vyp. 3. Moskva: Institut naslediya: 64–82.

Nikolaeva E. V. (2010) *Gorod-mif, gorod-kollazh, gorod-gipertekst.* [City-myth, city-collage, city-gipertext] E. V. Budenkova, T. A. Zaytseva (red.) Kul'tura kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Culture as a subject of interdisciplinary study: collected papers], Tomsk, NTL: 170–175.

Paasi A., Zimmerbauer K. (2011) Theory and Practice of the Region: a Contextual Analysis of the Transformation of Finnish Regions. *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*, (71–72): 163–178.

Raagmaa G. (2002) Regional Identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning. *European Planning Studie*, 10 (1): 20.

Smyth A. (1999) *Myths and Memories of the Nation*, Oxford: University Press.

Sozina E. K. (2008) *Ural'skiy tekst v literature regiona 1800–1820 gg.* [Ural text in literature of the region 1800–1820th]. Sozina E. K. (red.) Literatura Urala: istoriya i sovremennost' [The literature of Ural: History and Modernity]: Vyp. 4, Ekaterinburg: Ural. un-t, Institut istorii i arkheologii UrO RAN: 53–68.

Trubina E. G. (2011) *Gorod v teorii* [City in theory], Moskva: NLO.

Yung K. G. (1992) *Sovremennost' i budushchee* [Modernity and Future], Minsk.

Zamyatin D. N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Creating of the geographical images], Moskva: Znak.